

Рене Жирар. Козел отпущения / пер. с фр. Г. Дашевский; предисл. А. Эткинда. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.

В прошлом номере (Койнония №1) в своей статье я уже писал об интеллектуальной биографии Рене Жирара, поэтому сейчас ограничусь самыми необходимыми фактами. Несмотря на то, что в 24 года Жирар переезжает из Франции в США, он навсегда остается французским интеллектуалом: все его основные работы написаны на родном языке, и пожалуй найдется не так много людей, которые приложили больше усилий для популяризации французской интеллектуальной традиции в США. Так, в

1966 году, будучи заведующим кафедрой в университете Джона Хопкинса в Балтиморе, он организовал конференцию, куда были приглашены Жак Лакан, Жан-Пьер Вернан, Цветан Тодоров, Ролан Барт, и где Жак Деррида прочел свой ныне часто цитируемый доклад "Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук". Как всякий французский интеллигент, Жирар тесно связан с литературой, и его первые опыты начались в сфере литературоведения. Затем исследуемые им проблемы привели его в антропологию, а через некоторое время – в область теологии. Однако свой стиль, в основе которого всегда лежало желание быть однозначно понятым, а потому резко отличающийся от современников, Жирар сохранил не смотря ни на какие модные тенденции. Возможно, по этой причине в 2005 году его избрали членом Французской Академии бессмертных (основанной кардиналом Ришельё в 1635 году для того, "чтобы сделать французский язык не только элегантным, но и способным трактовать все искусства и науки"), что является высшей ступенью академической карьеры для любого французского интеллектуала.

"Козел отпущения" (1982) – последняя из трех работ, важных для понимания генезиса жираровской теории. Наряду с "Насилием и священным" (1972) и "О сокровенном от создания мира" (1978) эта книга вводит читателя в уникальную по своему масштабу абстраги-

рования и обобщения культурно-антропологическую гипотезу. Можно даже с некоторыми оговорками сказать, что перед нами – последний крупный модернистский проект, направленный на систематическое обоснование и изложение цельной теории культуры. Именно по причине близости к работам Фрейда или Маркса, отсылающих к "эпохе теории", и, следовательно, нуждающихся в достаточно обширном аппарате аргументации, что не приемлемо в современной "эпохе суждения" (по меткому замечанию Х.В. Гумбрехта), публикация русского перевода "Насилия и священного" в 2000 году прошла практически незамеченной. Но в свете "усталости" от постмодернизма, актуальность нынешнего издания не вызывает сомнений.

В "Козле отпущения" Жиран более тщательно и последовательно представляет свой подход; с другой стороны, данная работа углубляет предложенную в предыдущих книгах теорию и демонстрирует их связь с более ранними теоретическими работами.

В "Насилии и священном" Жиран анализирует как насилие, угрожающее существованию первобытного сообщества, лишенного эффективного механизма его подавления, запускает социальную логику, которая всегда принимает религиозный характер. Согласно гипотезе, называемая угроза – "жертвенный кризис" – преодолевается "жертвоприношением", которое

превращает ситуацию "все против всех" в ситуацию "все против одного" ("жертвоприношение" написано в скобках, так как очень часто критики понимают этот жираровский термин буквально, как религиозный ритуал, а не в том значении, в котором его упоминает сам Жиран). Это делает насилие уже не разрушительным, а обосновывающим, в процессе чего жертва получает сакральный статус. Далее эта теория применяется к исследованию становления культуры и ее институций, и показывается, что все ритуалы и обряды есть ничто иное, как вариации этого первичного "жертвоприношения".

Работа "О сокровенном от создания мира", своим названием отсылает к цитате из Евангелия от Матфея (13:35): "да сбудется реченное через пророка, который говорит: отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира", и представляет собой сборник диалогов Рене Жирана, нейропсихиатров Жан-Мишеля Угурьяна и Гая Лефорта. В ней Жиран впервые касается иудео-христианского наследия и противопоставляет его архаичным религиям на основании того, что Евангелия представляют собой деконструкцию механизма "козла отпущения" и, тем самым, раскрывают сущность учредительного насилия.

"Козел отпущения" представляет собой некое послесловие, где подробно описывается методология ранних исследований, даются

ответы на замечания критиков, уделяется внимание спорным моментам. Книга состоит из пятнадцати глав и начинается с рассмотрения так называемых "текстов гонений", возникших в европейском средневековье в периоды массовых бедствий и объявлявших виновниками этих бедствий евреев. На примере таких текстов, составленных самими гонителями, но против воли открывающим правду о невиновности жертв, Жиран показывает, что данная структура может быть обнаружена в любом мифе. Тезис Жирана в том, что у мифологии есть история. И эта история управляется желанием стереть репрезентации насилия.

Жиран убежден, что преодоление тотальности "механизма козла отпущения" является заслугой именно христианства. Христос стал жертвой абсолютно добровольно, замкнул насилие на себя и показал, что оно не имеет под собой никаких оснований, кроме слепоты общества, переносящего свои проблемы и конфликты на других. В этом, по Жирану, и состоит "благая весть" христианства: насилие может быть остановлено и справедливость должна восторжествовать — урок, который европейская цивилизация до сих пор не смогла до конца усвоить, хотя в определенной степени христианская перспектива восторжествовала: мы не превратили христианских мучеников в классических мифологических жертв, а осознали несправедливость их гоните-

лей, тоже самое произошло позже со средневековыми текстами гонений, и с "охотой на ведьм". В этом отношении Жиран говорит о некоторой парадоксальности по отношению к христианству, которое считают причиной этих бесчинств, в то время как он показывает, что, наоборот, именно благодаря христианству стало возможным осознание всех этих действий как бесчинств.

В подтверждение своей гипотезы Жиран приводит блистательный анализ в одиннадцатой главе "Козла отпущения" ("Усекновение главы Иоанна Предтечи"), где он демонстрирует, что механизм "миметического желания" и его связь с насилием уже раскрыта в полной мере в истории Саломеи. Первое на что указывает Жиран — ошибочность толкования, согласно которому Ирод ненавидел Иоанна, осуждавшего брак царя с женой брата. Согласно Жирану внимательное прочтение (особенно это очевидно у Марка), говорит о том, что смерти Иоанна жаждет Иродиада, а Ирод отправляет Иоанна в тюрьму желая его защитить. Ключевым моментов в этом повествовании является танец Саломеи (дочери Иродиады), который так впечатлил Ирода и его гостей, что он предложил Саломее самой выбрать себе награду. И тут Жиран демонстрирует, что у Саломеи нет собственного желания (а это ключевой тезис Жирана), что ее желание конструируется желанием Другого (в этом случае матери). Од-

нако она не просто копирует это желание: в этом, по мнению Жирара и состоит мифологическая "оригинальность" Саломеи, принеся ей такую славу — она добавила блюдо на котором должны были принести голову Иоанна. Однако Жирар предлагает иную, менее "романтическую" интерпретацию. Он считает, что в поступке Саломеи нет "творчества". Она ребенок (на что указывает греческое слово *korasion* ("девочка")) и просто поняла слова матери буквально, ведь по-гречески "потребовать чью-то голову" означает просто умерщвление. Поэтому ее желание не есть каприз куртизанки — а просто механика, та механика которую стараются раскрыть Евангелия и вслед за ними сам Жирар.

Книга снабжена ярким предисловием Александра Эткина, который привлекает читателя ироничным, но очень верно сформулированным тезисом: "открыть в Христе провозвестника собственной теории — ересь. Этим Жирар и интересен". Этот тезис в сжатом виде представляет известную критическую позицию бельгийского антрополога Люка де Хейша, опубликованную в газете "Ле Монд"

сразу после выхода "Козла отпущения", с едким названием: "Евангелие от святого Жирара". Теория Жирара действительно вызвала множество споров и дискуссий в западном интеллектуальном сообществе, и уже по одной этой причине должна быть интересна отечественным читателям.

Что касается непосредственно данного издания, то несколько разочаровало обилие опечаток на некоторых страницах, что вообще не свойственно издательству Ивана Лимбаха. С другой стороны стоит отметить, что переводчиком "Козла отпущения" стал Георгий Дашевский, в свое время переведший "Насилие и священное". Это важно, так как существует определенное количество специфических терминов (или специфически употребляемых Жираром) и таким образом сохраняется единство их перевода на русский язык, создается традиция перевода. К тому же издательство Новое Литературное Обозрение к выходу "Козла отпущения" переиздало "Насилие и священное", что позволит читателям более полно оценить замысел Жирара.

Евгений Галёна